

БЕНЕДИКТ АНДЕРСОН

Национализм, идентичность и логика серийности¹

Опасно, когда во время водопооя тигр видит
свое отражение в воде

Бертольт Брехт

Эта статья преследует три основные задачи. Первая — и самая важная — состоит в пересмотре проблемы формирования коллективных субъективностей в современном мире посредством рассмотрения материальной, институциональной и дискурсивной основ, которые неизбежно порождают два полностью противоположных типа серийности — *неограниченной* и *ограниченной*. Примером неограниченной серийности, восходящей в своих истоках к печатному рынку, особенно к газетам и к ярмарочным представлениям, служат такие открытые к миру множества, как националисты, анархисты, бюрократы и рабочие. Такая серийность делает, например, нормальным, совершенно непарадоксальным институтом Организацию Объединенных Наций. Примером ограниченной серийности, которая восходит в своих истоках к правительственной власти, особенно к таким институтам, как перепись и выборы, служат конечные серии, наподобие американцев азиатского происхождения, второго поколения арабов-выходцев из Северной Африки и тутси. Эта серийность делает немислимыми Организацию Объединенных Этнических Общностей или Организацию Объединенных Идентичностей. Вторая задача заключается в том, чтобы провести как можно более четкое аналитическое разграничение между национализмом и этничностью, а также — косвенным образом — между универсальностью и «космополитической» гибридностью. Третья задача состоит в том, чтобы использовать такие пугающие термины, как «производные дискурсы» и «имитация», для осмысления поразительного планетарного распространения не просто национализма, но глубоко стандартизованного понимания политики, частично отражающегося в повседневных практиках, укорененного в промышленной материальной цивилизации, которая заменила космос миром. Используемый мной иллюстративный материал взят главным образом из старого «третьего мира», так как стремительные и масштабные перемены, произошедшие в нем за последнее столетие, лучше всего позволяют взглянуть на возникновение этих двух серийностей.

¹ Benedict Anderson. *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia and The World*. L.: Verso, 1998. P. 29–45.

Неограниченная серийность

29 февраля 1920 года в небольшом центральнаяванском городке Деланггу, окруженном со всех сторон огромными колониальными и местными княжескими сахарными плантациями, состоялось первое открытое публичное собрание в этой области. Никто из выступавших, обращавшихся, вероятно, к недоуменному, но возбужденному собранию крестьян и работников сахарного завода, не кажется сегодня и, возможно, даже тогда более странным и поразительным, чем Хаджи Мисбах, благочестивый паломник, вернувшийся из Мекки, и страстный коммунист, смуглое лицо которого располагалось между ослепительно белым тропическим шлемом и прекрасно скроенной белой курткой в голландском стиле. Он говорил в своем выступлении:²

Современную эпоху вполне можно назвать *джаман балик бозоно* [древнеяванское народное выражение, означающее «эпоха мира, перевернутого с ног на голову»], ибо то, что обычно находилось наверху, теперь оказалось внизу. Говорят, что в стране Оостенрийк [голландское название Австро-Венгрии], которой обычно правит раджа [«монарх» по-индонезийски], сейчас произошел *балик бозоно*. Теперь ею правит Республика, а многие *амбтенаар* [«правительственные чиновники» по-голландски] убиты Республикой. Как только бывший *амбтенаар* высовывает нос на улицу, ему сразу же перерезают глотку. Так что, братья, помните! Земля принадлежит только нам.

Карл VII действительно отрекся от своих императорских и династических прав в ноябре 1918 года. И подобный *балик бозоно* действительно произошел в Вене и Будапеште. Венгерская коммунистическая партия Бела Куна действительно взяла власть 21 марта 1919 года, и за четыре месяца, прошедших после установления этого режима до его падения в результате чешского и румынского вторжений, она действительно казнила множество классовых врагов. Но 25 ноября союзники помогли прийти к власти адмиралу Миклошу Хорти, который развернул собственный террор. К сожалению, история, рассказанная Мисбахом, устарела на семь месяцев (но только на семь!), знал он об этом или нет.

Тем не менее его слова были во многом новыми как для Центральной Явы, так и для собрания, к которому он обращался, ибо он выступал перед своими слушателями с полной уверенностью в существовании в другой части света страны Оостенрийк, для которой в его собственном языке еще не было названия и в которой он сам никогда бывал. Кроме того, революционные события описывались им как происходящие одновременно с событиями на Яве и таким образом, если можно так выразиться, координировались в одних временных рамках — эпоха мира, перевернутого с ног на голову. Эта координация позволяла ему надеяться, что произошедшее с *раджой* и *амбтенаар* в Оостенрийке неизбежно произойдет и с их соратниками в Голландской Индии. Но еще более поразительно использование Мисбахом неопределенного артикля. «Некий» *Раджа*, «некий» *балик бозоно*, «некая» Республика, «некие» бывшие *амбтенаар* — во всех этих случаях использование неопределенного артикля показывает, что

² Takashi Shiraishi. *An Age in Motion: Popular Radicalism in Java, 1912–1926*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990. P. 193.

последующее будет составляющей единой серии категорий, которая охватывает видимую Яву и невидимую Оостенрийк. То, что названия этих категорий могут одновременно быть голландско-европейскими, индонезийско-малайскими или яванскими, также свидетельствует о новом понимании жизни: языки прозрачны друг для друга, взаимопроницаемы друг для друга, картографируют область друг друга, будучи равноудаленными от материального мира (или близкими к нему). Чтобы такое равенство стало возможным, а оно было невозможно в молодости отца Мисбаха, голландский должен был лишиться своего положения языка колониальной власти, а яванский — языка передаваемой из поколения в поколение истины. Наконец, отметим глубокий, безусловно, бессознательный сдвиг в семантической нагрузке *бозоно*. Раньше его значение было тесно связано с «космосом», естественным, вертикальным универсумом, иерархически нисходящим от Бога или богов через королей, аристократов и крестьян к флоре и фауне, а также ландшафтам, в которых они были укоренены. Именно этим значением объясняется, почему яванские князьки награждали себя такими высокопарными званиями, как Паку Бувоно (Ось Космоса) и Хаменгку Бувоно (Хозяин Космоса), не видя в этом ничего смешного. Но Мисбах явно использовал *бозоно* в совершенно новом смысле «мира», горизонтального универсума видимых и невидимых [здесь и сейчас] людей, в который не входили вулканы, демоны, водяные буйволы и божества.

Внезапность перемен можно ясно увидеть при рассмотрении еще одного примера из Явы/Голландской Индии. В «Воображаемых сообществах» я рассматривал одну показательную газетную статью, написанную в 1913 году Суварди Сурьянингратом, аристократическим современником и соратником Мисбаха в борьбе против колониализма.³ Она называлась «Als ik eens Nederlander was», что в переводе означает «Если бы я на мгновение стал голландцем». Замысел этой статьи состоял в том, чтобы показать неуместность празднования голландскими колониальными властями дня освобождения Голландии от наполеоновского господства и принуждения местных жителей, которые сами были покоренными, оплачивать праздничные расходы.⁴ Но мы также можем увидеть, что саркастическая риторика Суварди невозмутимо признает существование анонимной серии — голландцев. Напротив, если взять мемуары, составленные в ссылке его не таким уж далеким предшественником, князем Дипонегоро, развернувшим широкую борьбу с голландским колониализмом в 1825–1830 годах (за это в сегодняшней независимой Индонезии его считают главным историческим героем), «голландцы» как таковые в них отсутствуют.⁵ Его удачливые враги описываются в феодаль-

³ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., 2001. С. 137.

⁴ Довольно забавно, что Суварди не заметил комического и реакционного характера этого дня памяти. Вместо напоминания голландцам о действительно героическом провозглашении независимости от империи Филиппа II в 1581 году или окончательного признания этой независимости Мадридом в 1648 году после десятилетий тяжелой борьбы, в этот день праздновалась победа Священного Союза над Наполеоном, навязывание народу с давней республиканской традицией посредственной монархии и насильственное включение в новое королевство земель, входящих в состав сегодняшней Бельгии.

⁵ Значительная часть текста этих стихотворных мемуаров опубликована в: Ann Kumar. Dipanegara (1787?–1855). *Indonesia*, 13 (April 1972). Pp. 69–118.

ной летописной манере с помощью личных имен и званий. И если эти враги не были частью серии «голландцы», то и он сам не был «князем вообще» или «яванцем вообще».

В меланхолических размышлениях Дипонегоро отсутствует еще одно слово, которое относится к тому, что принято понимать под «политикой». Это отсутствие никак не связано с его личными пристрастиями. Почти во всех странах Азии и Африки в течение последних ста лет изобретались неологизмы для этого понятия, и всякий раз такое изобретение обычно сопровождалось появлением национализма. Ибо для того, чтобы «политика» стала мыслимой в качестве отдельной определенной области жизни, должны были произойти две вещи. (1) Особые институты и социальные практики должны были стать зримыми, и они должны были быть такими, чтобы их нельзя было легко описать при помощи старых словарей космологически и религиозно поддерживаемого монархического правления; речь идет о всеобщих выборах, президентах, цензорах, партиях, профсоюзах, собраниях, полиции, руководстве, законодательных органах, бойкотах и тому подобное, а также о нации. (2) Мир должен был представляться единым, чтобы, при всем многообразии имеющихся в нем социальных и политических систем, языков, культур, религий и экономик, существовал один общий вид деятельности — «политика», — распространённый *повсеместно*.

В отличие, скажем, от «индустриализма» или «милитаризма», которые, как известно, были изобретены в Европе спустя десятилетия после возникновения явлений, которые они пытались обозначить, в Азии и Африке словари «политики» почти всегда предшествовали своему институциональному осуществлению. Они читались, а затем использовались в качестве образца — поэтому часто самые ранние местные минисловари были «руководствами» по ведению политической деятельности.

Газеты

Циркуляция таких статей в ранних газетах и периодике позволяет рассмотреть своеобразие процесса работы по образцу и грамматике, лежавшей в его основе. Эта работа по образцу осуществлялась скорее через сериализацию, чем через простое копирование. Рассматривая в своих «Воображаемых сообществах» роль газет в генезисе восприятия времени, необходимого для воображения наций, я подчеркивал — однобоко, как я теперь понимаю, — значение календарной одновременности кажущихся случайными событий, которые ежедневные издания преподносят своим читателям.⁶ Я полностью упустил два других взаимосвязанных принципа сочетания [материала]. Первый состоит в том, что все газеты считают своей вотчиной «мир человеческий»,⁷ независимо от того, в какой его части они читаются. Для газеты было бы *contra naturam* ограничивать свои репортажи событиями, происходящими в государстве, в котором она выпускается. Руандийские ужасы в токийских газетах, извер-

⁶ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. С. 45–59.

⁷ Так переводится название «Буми Манусья», первого из четырех романов великого индонезийского писателя Прамудья Ананта Тур, посвященного истокам индонезийского национализма.

жение вулкана Пинатубо в стокгольмских, финал европейского чемпионата по футболу в рангунских — все это кажется абсолютно естественным. Второй состоит в том, что эта естественная универсальность глубоко подкрепляется — повсюду — неосознанной стандартизацией словаря, который решительно превосходит любое формальное деление в газете между местными и зарубежными новостями. Это не недавнее явление. В эпоху Мисбаха репортажи о Перу, Австро-Венгрии, Японии, Османской империи — какими бы значительными ни были реальные различия между населением, языком, верованиями и условиями жизни в них — составлялись совершенно единообразным способом. Внутри Японии могли писать о Тенно, но в газетах других стран его называли императором. Ганди мог быть махатмой в Бомбее, но в других странах его описывали как националиста, агитатора и [индийского] лидера. Санкт-Петербург, Каракас и Аддис-Абеба были столицами, а Ямайка, Камбоджа и Ангола — колониями.

Это не значит, что реальных сходств не существовало, так как на протяжении XIX–XX веков по всей планете бурно велась повседневная институциональная работа по образцу. Скорее, сам формат газеты препятствовал воображению чего-то иного вследствие самой произвольности своего бесконечно меняющегося содержания. Можно даже сказать, что появление время от времени Львов Иудей и Сыновей Небес, которых физически не видит никто, кроме немногочисленных групп крайне обособленных придворных и чиновников, перед одновременным воображением миллионов людей по всему свету требовало помещения их в одну категориальную серию: монархи. Подобные серии были повседневными универсалиями, пронизывавшими все печатные языки, причем совсем не обязательно в одном направлении. Вот лишь один пример: когда в 1950-х годах молодые тайские марксисты обратились к термину *сакдина*, который со времен средневековья обозначал унижительную традиционную систему статусов в Сиаме, построенную вокруг монарха, а затем коренным образом изменил свое значение, они не видели ничего необычного в том, чтобы использовать тот же термин в общем смысле и писать о социальной системе *сакдина* средневековой Европы.⁸ *Сакдина* и «феодализм» как бы заменяли друг друга (точно так же, как в случае с *балик бозоно* и «революцией»). Это значит, что они означали одно и то же; просто из Бангкока и Бирмингема на единый мир равномерно распространялись две параллельные серии. Этот пример также показывает, что новое серийное мышление с самого начала может диахронически действовать в гомогенном пустом времени и синхронически — на странице газеты.

И из этой логики серий возникла новая грамматика репрезентации, которая также была предпосылкой для воображения нации. Позднеколониальная обстановка особенно полезна для понимания этого развития, потому что она позволяет увидеть, что логика действовала одинаково, хотя и в разной институциональной среде, среди белых правителей и цветных подданных. Чтобы проиллюстрировать этот процесс, обратимся еще раз к Голландской Индии конца XIX — начала XX века.

⁸ Подробнее об этом см.: Craig J. Reynolds. *Thai Radical Discourse: The Real Face of Thai Feudalism Today*. Ithaca, NY: Cornell University Press, South Asia Programm, 1987.

До этого времени все виды местного народного театра, включая известный традиционный театр теней, покоились на логике, которую можно назвать иконографической. Истории, разыгрываемые живыми актерами или куклами, озвученными голосами кукловодов, заимствовались из местных легенд или из эпосов «Махабхарата» или «Рамаяна», которые за многие века укоренились настолько, что только незначительное образованное меньшинство знало об их индийском происхождении. Истории не только были прекрасно знакомы аудитории, их подача была иконографически закреплена. Театральные афиши были немислимы, потому что все герои были тщательно разделены на стандартизованные типы, прически, костюмы, стили речи и репертуары жестов. Индра, Рама или Арджуна опознавались сразу же после выхода на сцену. Поскольку не возникало вопроса об *интерпретации* таких фигур, которые зачастую считались совершенно реальными существами, пребывающими за пределами театрального представления, идентичности актеров, часто даже их половая принадлежность, никого не интересовали. При этом, как ни парадоксально, иконографические правила, определяющие, что может говорить Рама, были настолько строгими, что о сценариях никто и не помышлял, а простая импровизация была обычным делом.

Но в самом конце XIX века в городах, где выходили газеты, сложилась новая форма театра, которая впитала очень многое из водевилей и оперетт странствующих евразийских или европейских трупп. Когда местные актеры начали ставить, продавая билеты за деньги, просторечные версии «Венецианского купца», особенно притягательной в них была загадочность экзотического названия (Венеция? Где это? Но ее можно было найти на любой печатной карте «мира», на которой не было места длярая или ада).⁹ Шейлока, как и большинство героев в таких драмах, нельзя было изобразить иконографически. Никакого согласия относительно того, как он должен выглядеть, одеваться, говорить и двигаться, не существовало. Ни евреев, ни ростовщиков в традиционных драмах не было. Поэтому Шейлока можно было сыграть только — квазисоциологически — как *социальный тип* или сочетание типов. Актер (так как пол теперь имел значение) больше не мог импровизировать и, чтобы достоверно сыграть ростовщика-еврея, вынужден был опираться на сценарий и репетиции; и эта достоверность зависела от убеждения зрителей в социальном правдоподобии Шейлока, иными словами, его уместности и заменимости в таких пересекающихся универсальных сериях, как жесткие ростовщики, слабоумные отцы и одержимые скупцы. Тем не менее его репрезентативность основывалась не только на опыте колониальной жизни — конечно, всем были знакомы ростовщики, скупцы и слабоумные отцы, хотя

⁹ Блестящее описание см.: A. Th. Manusama. *Komedie Stamboel of de Oost-Indische Opera*. Batavia [Jakarta]: п. р., 1922. Манусам приводит репертуар из сорока трех спектаклей, которые, прекрасно подтверждая выдвинутую мною ранее идею, были совершенно космополитично-локальными по своей тематике: 9 основывались на сказках «1001 ночи», 9 — на местных сказках и легендах, 6 — на персидских, 6 — на индийских [индостанских], 3 — на китайских и 10 — на европейских (Р. 24–27). В этой последней группе встречаются не только «Венецианский купец» и «Гамлет», но и «Женевьева», «Сомнамбула», «Роберт-дьявол» и т. д.

евреи в Ост-Индии были немногочисленны и почти незаметны, — она также основывалась на господстве самой репрезентации, мира печати. Выдуманные шейлоки, гамлеты и женевиэвы «грамматически» оказывались в одном ряду не только с реальными, серийными столицами, забастовками, выборами и футбольными матчами, но и с красочными рекламными объявлениями, которые можно понять только как заманчивые синекдохи для отображения серийного изобилия желанных товаров.

Ограниченная серийность

Между тем наверху сериализация развивалась в совершенно ином направлении. В 1920 году — именно тогда, когда Хаджи Мисбах агитировал за революцию в сахарном поясе Центральной Явы, — колониальный режим провел первую «научную перепись» в своих владениях.¹⁰ Конечно, это произошло довольно поздно по мировым меркам, но не ужасающе поздно. Недавно обретшие независимость Соединенные Штаты Америки со своей наспех проведенной в 1790 году переписью *национального* населения стали первым государством, занявшимся протонаучной и публичной переписной работой, опередив Францию, Нидерланды и Великобританию на десятилетие.¹¹ Но до 1850 года единицей учета было домохозяйство, и записывалось только имя домовладельца. Только в 1880 году в Вашингтоне было создано центральное Управление переписи населения, и только в 1902 году это управление, переименованное в бюро, стало государственным органом, действующим на постоянной основе. Если смотреть шире, то только в 1853 году, после европейских националистических восстаний 1848 года, в Брюсселе был проведен первый Международный статистический конгресс, который принял резолюцию, определявшую основные «научные» требования, необходимые для достижения международной сопоставимости данных переписи и стандартизации содержания и методов переписи.¹²

Повторное голосование по этой резолюции на Парижском конгрессе в 1855 году, Лондонском конгрессе в 1860 году и Флорентийском конгрессе в 1867 году свидетельствует о том, что политическая кампания статистиков по модернизации и транснационализации переписей была совсем не простой. Наверное, не следует удивляться тому, что только на этапе становления Лиги Наций эта кампания более или менее достигла осуществления, причем это совпало с неожиданно быстрым распространением избирательного права для женщин.

Как отмечали многие наблюдатели, проведение переписи считалось не только сложным, дорогостоящим и полностью государственным делом;

¹⁰ Прекрасное описание этого предприятия и сравнение его с предыдущими переписями податного населения см.: Peter Boomgaard. *Population Trends, 1795–1942*. Amsterdam: Royal Tropical Institute, 1991.

¹¹ Причины такого раннего старта в Соединенных Штатах будут рассмотрены ниже.

¹² 1820–1830-е годы описываются как эпоха «статистического энтузиазма», когда в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах начали создаваться статистические общества. См.: Paul Starr. *The Sociology of Official Statistics* // William Alonso and Paul Starr, eds., *The Politics of Numbers*. New York: Russell Sage Foundation, 1986. P. 15, 25.

за некоторыми довольно предсказуемыми исключениями, результаты переписи были весьма наглядными публичными текстами. В принципе, они должны подвергнуться тому же «грамматическому» изучению, которое вкратце было проведено нами по отношению к газете и народному театру. И я намерен сосредоточить внимание на трех важных правилах проведения переписи.

Первое из этих правил касается недопустимости дробей или, иначе говоря, призрачной целостности тела. Например, если гипотетическая классификационная схема предлагает разделить население, скажем, на черных и белых, а затем сталкивается с запутанной реальностью смешения предков данной группы в различных пропорциях, единственным логическим выходом будет выделение в колонках с черными и белыми половин, четвертей, восьмых и шестнадцатых частей или умножение категорий или подкатегорий — например, мулатов, квартеронов и окторонов, — в которых смешанность или дробность может обрести статус целостности.¹³ Естественно, это вовсе не значит, что каждый переписываемый не появится вновь анонимно в дюжине других классификационных реестров той же переписи, причем каждый раз как целое; это значит, что эта сложная дробность вписана в нее симпатическими чернилами. С одной стороны, каждый переписываемый — это неделимое целое; с другой — это просто место беспорядочного смешения пересекающихся серий.

Второе правило — конфиденциальность. Можно утверждать, что имена, полностью внесенные в индивидуальные переписные листы, представляют собой самую секретную часть этих документов, которую государство ревностно приберегает для себя. Несколько удивительно, что в Соединенных Штатах подобному засекречиванию всего семьдесят два года. (Кроме того, человека могут наказать за «тайный» обман государства в своей анкете).¹⁴ Это правило безымянности связано, по выражению Ролана Барта, с двумя эффектами реальности. С одной стороны, оно повышает правдивость переписи в том смысле, что выявление кого-либо при помощи переписи на основании личных знаний и знания сообщества становится почти невозможным. С другой стороны, благодаря эквивалентности целых она картографирует стабильное (в течение десяти лет) социальное поле, скрепляемое перечисляемыми страницами за страницей одинаковыми итогами. Этим безымянным, представленным в виде пересекающихся таблиц полем является, скажем, Дания, воображаемая серийно, синхронично и в виде автопортрета.

Третье правило — всеобщность — явно контрастирует с необузданностью серийного воображения газет. Всеобщность (легко раздуваемая до «универсума» в жаргоне социальных наук) на деле нужна для самых второстепенных статистических расчетов. Но она имеет свою политическую родословную, которую полезно здесь вкратце напомнить. Одна линия восходит к Уильяму Петти (1623–1687), помощнику Гоббса и крестному отцу Адама Смита, кото-

¹³ Например, в период с 1840 по 1910 год большая категория «негры» в американской переписи содержала в себе четыре подкатегории: мулаты, квартероны, октороны и черные. См.: William Petersen. Politics and Measurement of Ethnicity // Alonso and Starr, eds., *The Politics of Numbers*. P. 208.

¹⁴ Информация любезно предоставлена по телефону нью-йоркским отделением Бюро переписи населения.

рый обрел в 1691 году своеобразное посмертное бессмертие с публикацией своей «Политической арифметики», посвященной сопоставимым аналитическим единицам существовавших тогда политических государств.¹⁵ Другая линия восходит к «немецкой» камералистской традиции *сравнительного* изучения *Staaten XVII–XVIII* веков, которая, в конечном итоге позволила геттингенскому профессору Готфриду Ахенвалю (1719–1772) изобрести – как производное – сам термин «статистика». Едва изобретенный, термин быстро пересек Ла-Манш и вошел в английский язык с 21-томной «Статистикой Шотландии» Джона Синклера, вышедшей – конечно, в виде серии – в период с 1791 по 1799 год.¹⁶ В действительности, прежде чем оно было упорядочено в соответствии с внутренней логикой самой статистики, политически ограниченное государство эпохи просвещенного абсолютизма придало «всеобщности» ее первоначальную форму: как раз в эпоху национализма.

Статистическая логика и политика, счастливо соединившиеся в переписях, одновременно рассекали все серии (в американской переписи XX века движущаяся на запад толпа «женщин», «чернокожих» и «врачей» изоморфно останавливалась на побережье Тихого океана и Берингова моря). Но в то же самое время благодаря своему взаимодействию они создавали нечто такое, что никак не могли породить газеты: серийные, агрегируемые, противостоящие друг другу большинства и меньшинства, которые, начиная в качестве формальных сущностей, становились способными обретать политическую реальность. (Такова матрица, из которой именно в 1830-х годах, когда в англоязычных государствах по обе стороны Атлантики происходило создание статистических обществ, Алексис де Токвиль начал лихорадочно воображать тиранию, основанную в конечном итоге на переписи).¹⁷

Связующим звеном было, конечно, избирательное право. Причиной, по которой недавно возникшие Соединенные Штаты смогли опередить в этом весь остальной мир, был просто их новый республиканский и федеративный характер. В отсутствие монархии и сословий, казалось, что суверенитет может проявляться только в воле граждан, выражаемой в ходе избирательного процесса. Национальная перепись 1790 года и все последующие переписи вплоть до эпохи Хаджи Мисбаха призваны были гарантировать – арифметически – честное пропорциональное избирательное представительство в двух палатах национального парламента. Дело не в том, что число избирателей сколько-нибудь очевидным образом соответствовало результатам переписи, а в том, что не имевшие права голоса женщины и несовершеннолетние лица мужского пола, как тогда считалось, были равномерно распределены в государствах, и, следовательно, глава домохозяйства (имя которого, как уже было отмечено

¹⁵ Будучи беспощадным молодым вольнодумцем, в 1654 году он был отправлен в Ирландию лордом-протектором для проведения переписи и собственности, которая могла служить основой для систематической колониальной эксплуатации и угнетения.

¹⁶ Среди прочего см.: Starg. *The Sociology of Official Statistics*. P. 13–15 и цитируемые в этой статье источники.

¹⁷ См.: Токвиль А. де. *Демократия в Америке*. М., 1992. С. 154–158 и особ. 156. «В настоящее время свобода создавать политические объединения стала необходимой гарантией в борьбе с тиранией и в противостоянии большинству». Можно ли представить серьезное обсуждение большинства, не говоря уже о тирании большинства, при *ancien régime*?

но мной, записывалось во время переписи до 1850 года) мог в статистически пропорциональном смысле представлять их. Однако рабы были распределены неравномерно. Они могли быть собственностью, но рабовладельцы-южане не слишком возражали против переписи их каждые десять лет как личностей. Отсюда странный компромисс, показывающий, что политическая арифметика Уильяма Петти вступила в свои права, когда каждый несвободный американец, учтенный во время переписи, дробно рассматривался в виде трех пятых человека в целях пропорционального представительства в конгрессе.

После выхода за пределы Соединенных Штатов влияние избирательных процедур на стиль проведения переписей возрастало по мере распространения представлений о народном суверенитете, взятия на себя государством задачи обеспечения благосостояния и развития и расширения избирательного права. Незадолго до этого избиратели начали влиять на сами категории, которые обрабатывались машиной переписи.¹⁸ В этих новых условиях впервые появились серьезные основания желать быть учтенным, хотя и определенным образом, а не надеяться быть пропущенным сборщиком податей, который поначалу маячил за переписчиком. К началу XX столетия «избирательный» образ переписи населения в метрополиях стал казаться настолько привычным, что потихоньку проник даже в колониальные автократии, где он мог привести только к долгосрочным подрывным последствиям.

В этом отношении показателен пример Филиппин. Первая серьезная перепись была проведена здесь в 1818 году.¹⁹ В этот перечень входили такие странные, неизбирательные категории, как: *difuntos* (мертвые), *negros infieles* (черные язычники), *tributos* (плательщики податей), *mestizos españoles* (лица смешанного испанского происхождения), *morenos* (смуглые) *individuos contribuyentes* (отдельные налогоплательщики). Ее организаторы наверху явно руководствовались главным образом религиозными и финансовыми соображениями. Слово *almas* (души) и основное противопоставление между *infieles* и *convertidos* (язычниками и обращенными) появилось в переписи в (первый и) последний раз. Межкатегориальные итоги, необходимая основа для возникновения деления на меньшинства и большинства, не подводились. В ней не было ни следов территориальности, ни десятков этнолингвистических групп, населявших острова.²⁰ Следующая перепись, проведенная в 1877 году, была полностью светской и за ней уже не маячила тень сборщика податей. Три простых столпа, на кото-

¹⁸ Возможно, самое время напомнить читателю, что перепись включает два противоположных типа серий — категорические и скалярные. Образцовым примером первой служит половая принадлежность, которая предполагает наличие на протяжении всей жизни только двух взаимоисключающих возможностей; образцовым примером второй служит распределение дохода, которое отражается в длинной серии последовательных ступенек с размытыми границами, когда миллионеры и нищие делаются невидимыми. Скалярный формат позволяет каждому человеку подняться или спуститься по этим ступенькам в течение своей жизни. Отсюда известная утопическая идея переписи, когда половая принадлежность становится скалярной и состоит из нескольких отдельных ступенек, а доход — бинарно-категорическим, как в простом делении на имущих и неимущих.

¹⁹ Однако средства для этого были выделены не колониальным правительством, а муниципалитетом Манилы, а сама она проводилась с опорой на аппарат церкви, а не государства.

²⁰ Никто не пытался подсчитать общее число мусульман и язычников, проживавших на территории, которая на бумаге называлась Испанскими Филиппинами.

рых покоилась перепись, касались наличия / отсутствия постоянных жителей, их характера как *españoles* или *extranjeros* (иностранцы) и их цвета кожи: *blancos*, *pardos* и *morenos*.²¹ Все здесь пропало отсталой автократией, но все же автократией XIX века. Однако уже перепись 1903 года, проведенная американцами за несколько месяцев до официального завершения жестокой захватнической войны, обладала совершенно американской протоизбирательной структурой, включавшей в себя (в алфавитном порядке!) двадцать пять «диких» или «цивилизованных» местных этнолингвистических групп, пять цветов кожи от белого до черного, а также места рождения и — там, где это было возможно, — гражданство.²² В опубликованных результатах *этой* переписи слова тагалог и илокано впервые обрели связанные с ними числа, которые вполне могли быть прочитаны тагалого- и илоканоговорящим населением. И эффект реальности официальной переписи, ее утверждение о том, что подсчитанное, социально говоря, «существовало», придавало этим цифрам некую непоколебимую монументальность. Более поразительно, что при такой категориальной структуре американцы на Филиппинах не могли представить себя *непереписанными*, оказываясь при всей своей заботе о проведении переписи в очевидном численном *меньшинстве*. То же произошло и в переписи 1921 года в Голландской Индии и не раз повторялось в колониальном мире в XX веке. В каком-то смысле, все эти переписи можно считать гаданием на кофейной гуще, позволившим осознать неминуемый крах отдельных колониальных режимов.

Практика

В противоположности между двумя стилями сериализации — одним, символизируемым газетой, неограниченным и неисчислимым, другим, символизируемым переписью, ограниченным и исчислимым — просматриваются черты двух видов политизации и политической практики, которые, однако, показывают, насколько важна серийность для современного воображения общности.

Динамику первой позволяет ощутить следующий отрывок, переведенный из очаровательного рассказа «Та, что перестала ждать», который был впервые опубликован в 1952 году известнейшим индонезийским писателем Прамудьей Ананта Тур. В нем описывается, как Ис, старшая сестра героини рассказа, вступает в радикальную организацию Песиндо (Социалистическая молодежь Индонезии) во время революционного подъема, начавшегося сразу после завершения зверской японской оккупации Индонезии (1942–1945):

В такие времена жажда политики, постепенно нарастающая, подобно приливной волне, вышла из-под контроля. Все, как и она, ощущали, что больше нельзя быть по-настоящему живым человеком, оставаясь вне политики, вне обсуждения политических вопросов.

²¹ Тем временем, для международной торговли были открыты сначала Манила, а затем и другие порты, благодаря чему здесь впервые появились иностранцы. Кроме того, появление парходов сделало наличие / отсутствие постоянных жителей реальной проблемой.

²² Наиболее подробное рассмотрение переписей филиппинского населения и вытекающей из них политики приведено в приложении к первому тому: Onofre Corpuz. *The Roots of the Filipino Nation*. Quezon City: Aklahi Foundation, 1989. P. 515–570.

Жизнь без политики была такой же немислимой, как и жизнь без риса. Даже школьные учителя, сохранявшие «нейтралитет», были поражены болезненной страстью к политике — и, насколько это было в их силах, они втягивали своих учеников в политику, к которой были причастны сами. Все вокруг боролись за привлечение в свои партии новых членов. И школы оказались удачным полем для такой борьбы. Политика! Политика! Она ничем не отличалась от риса во времена японской оккупации. Довольно скоро появились курсы. И те, кто еще недавно сам узнал о капитализме, социализме и коммунизме, начинали читать лекции в столовых, на улицах и в зданиях. И Песиндо тоже быстро пророс на бесплодной песчаной почве нашей деревни. Теперь Ис знала общество, в которое она входила. Она обрела круг знакомых, который был намного шире ее братьев, сестер и родителей. Теперь она занимала определенное место в этом обществе: как женщина, как машинистка в государственном учреждении, как свободный человек. Она стала новым человеком с новыми взглядами, новыми историями, новыми перспективами, новыми отношениями, новыми интересами — всем новым, что она смогла получить от своих новых знакомств. И все это происходило, несмотря на тяготы повседневного существования.²³

В круге братьев, сестер и родителей Ис отсутствуют серии. Но во время революции, в которую она вносит свой скромный вклад, она воображает себя — впервые за свою короткую жизнь — серийно: как «некую» женщину, «некую» машинистку, «некоего» свободного индивида, «некоего» нового человека. Эта сериализация настолько преобразует ее сознание, что все предстает теперь перед ней в новом свете. Но эти серии в своей пластичности и универсальности никогда не могут появиться в переписи и не только потому, что они не могут быть подсчитаны и обобщены.²⁴ Кроме того, очевидно, что она считает такие серии видовыми, поэтому бытие женщиной, машинисткой и новым человеком способствует, а не препятствует борьбе за свободу ее страны. Мы также понимаем, что указанные серии могут калейдоскопически меняться, расширяться и сужаться в любой момент. Нет ничего жестко фиксированного. Завтра она может стать «неким» революционером, «неким» заключенным, «некой» юной девушкой, «неким» шпионом, даже «неким» националистом в безграничных, но устойчивых сериях, включавших в 1946 году Клементу Эттли и Джавахарлала Неру, но всегда с оговорками. И если Ис считала себя теперь частью меняющегося мира, призванной к борьбе ежедневными универсалиями, то и нам следует отталкиваться от такого же описания. Мы можем и не быть юными девушками, мы можем не уметь печатать на машинке, говорить на ее родном языке, не знать ее религию или ее культуру, но она обращается к нам не этнографически как информант, а как член серий, которые открыты для нас, если мы хотим действовать в соответствии с ними.

Важно отметить, что большинство серий, входящей в которые она себя считает, в качестве платы за вход требуют от нее действий (*act*) в обоих смыслах этого слова. Она должна научиться «действовать», как революционно

²³ См.: Pramodya Ananta Toer. *Tjerita dari Blora*. Jakarta: Balai Pustaka, 1952. P. 279.

²⁴ Можно представить, что «некая» машинистка в «некоем» правительственном учреждении должна заниматься переписью. Но весь этот отрывок показывает, что здесь «машинистка» принадлежит к планетарной серии.

настроенный член Песиндо, подобно тому, как другие знают, каким образом «действует» Гамлет, организатор забастовки или националист. Но все это она считает освобождением, и последним, что ее заботит, является ее идентичность или ее корни.

Логика серий современной переписи, по всей видимости, развивается в противоположном направлении. Можно проследить развитие этой логики с самого начала, рассмотрев основное действие, совершению которого перепись, по-видимому, молчаливо способствует. Речь идет о голосовании. При оптимальных условиях это действие требует присоединения к однодневной очереди, состоящей из людей, каждый из которых попадает в замкнутое пространство столь же необычно приватное, как и общественный туалет, и для которых задернутая штора, по-видимому, служит пристойным одеянием. Оказавшись внутри, эти люди нажимают на одни и те же кнопки или пишут стандартизованные слова (ставят значки) на одинаковых листках бумаги. И после этого они перестают — независимо от того, хотят они этого или нет, — «быть» избирателями, кроме как в аскриптивном смысле, до следующих выборов.

Примечательная минимальность и периодичность акта голосования напоминает нам о том, насколько избирательный бюллетень изоморфен переписному в своем неприятии дробности, своей возможности быть изученным, общей анонимности и своей принадлежности к строго ограниченным совокупностям. Но это также позволяет нам увидеть основу его реальной и символической политической действенности. Этой основой служит *наделение правом* (при всех ироничных и устаревших нотках его этимологии). Прежде чем проголосовать, необходимо сначала быть наделенным правом голоса посредством законодательного акта, который никогда не касается только одного человека. И человек не просто «наделяется правом» голоса; сам акт голосования наделяет *кого-то другого* правом действовать от его имени. Но этот другой действует не по полномочиям доверенного лица, а как представитель ограниченной серии. Конечная нумерология таких серий, в свою очередь, действует в пересекающихся и стратифицированных матрицах большинства / меньшинства. Вследствие этого, например, становится возможной совершенно нормальная ситуация, когда после завершения выборов политические профессионалы приписывают некое значение точным цифрам, благодаря которым победивший кандидат нанес поражение своему противнику, а избиратели, которые голосовали против победителя, считают, что они вправе предъявлять свои требования этому победителю. В своем сознании избиратели всегда образуют целостность — «n» наделенных правом голоса избирателей.

Отсюда вытекают два примечательных следствия, приобретшие большое значение для развития коллективных субъективностей, особенно за последние полвека.

Первое — это пропорциональное наделение правом на основании «n». С расширением в XX веке функций основанного на выборах государства обслуживания и его социальных возможностей перепись — еще более сложная — все больше превращалась в общую базу данных, лежавшую в основе любого планирования и выделения бюджетных средств. Поэтому сама перепись стала объектом более очевидной политизации. Возьмем, как крайний случай, Ниге-

рию, где в течение многих лет вопрос о переписи не поднимался именно из-за боязни того, что она покажет «истинное» число воображаемых этнических групп в стране и тем самым потребует распределения политической власти и экономических благ. Еще один, более спокойный пример: вспомним, как давление избирателей в бурные «долгие» 1960-е привело к отмене переписи (последняя была проведена в 1971 году) в Нидерландах, по сей день остающихся единственной страной в мире, которая отказалась от этого важного инструмента управления.²⁵ Споры по поводу переписи 1980 года в Соединенных Штатах еще более показательны в том, что касается воплощения определенных категорий переписи в эссенциализированную политическую реальность вследствие своей роли в организации распределения экономических и иных благ и расчета на получение таких благ.²⁶ Ни одна из этих категорий не была более важной, чем этническая принадлежность, изначально придуманная сто лет тому назад, то есть до эпохи государства всеобщего благосостояния, для отслеживания притока иммигрантов из различных частей Европы. Однако после новой большой волны иммиграции в 1920-х годах благодаря революции в коммуникациях эти категории стали использоваться для мобилизации избирателей, в том числе на национальном уровне. Огромное сплачивающее влияние переписной категоризации и политики наделения правами можно наблюдать в политическом росте таких недавних американских продуктов воображения, как испаноязычные и азиатско-американские избиратели, и, возможно, даже в предвыборном превращении расовой принадлежности в этническую в случае с «чернокожими».

Подобные политические идентификации конца XX века, в которых перепись и ее младший брат — опрос по случайной выборке — вытеснили район и родной город, не только становятся более важными в политическом отношении, но и позволяют нам яснее осознать хрупкую, но четкую грань между этничностью и национализмом. Этническая политика возникает на основе предшествующего *национального* наделения людей правами в качестве избирателей и обосновывается требованиями пропорциональности в рамках существующей переписи. Когда — или лучше если — *soi-disant* этническая группа заново воображает себя в качестве нации (как, например, происходит с квебекцами) и стремится обрести независимое государство, она отказывается от этой переписи ради новой, со своими собственными цифрами. Однако именно в момент провозглашения независимости логика пропорциональности вновь возникает в новом «п».

Вторым следствием является усиление политики идентичности. Я отмечал ранее эссенциалистские последствия ограниченных исчислимых серий, наилучшим примером которых служат переписи. Но я подозреваю, что эти серии действуют в том же направлении, но на другом уровне. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Идентичность логически представляет собой функцию двойственности: она существует в тот момент, когда «b» сталкивается

²⁵ См.: J. J. Woltjer. *Recent Verleden*. Amsterdam: Balans, 1992. P. 414.

²⁶ См.: Margo A. Conk. The 1980 Census in Historical Perspective // Alonso and Starr, eds., *The Politics of Numbers*. P. 155–186; William Petersen. Politics and Measurement of Ethnicity // *Ibid.* P. 187–234.

с «= b». Это простая алгебраическая формула позволяет понять язвительное замечание Воле Шойника по поводу серии *негритюда* у Леопольда Сенгора: тигру не нужен тигритюд.²⁷ Иными словами, тигритюд необходим только тогда, когда два сомневающийся животных отражаются в загнанных (*exiled*) глазах друг друга.

Слово *загнанный* использовано здесь не случайно. Все мы прекрасно знаем, что люди беспрестанно говорят не просто о «поиске» «корней», но об «установлении», «нахождении» и, увы, об «утрате» своей «идентичности». Но эти поиски, риторически направленные вглубь, к месту, где некогда обитала душа, на деле выходят наружу в реальных и воображаемых переписях, в которых благодаря капитализму, государственной машине и математике объединения людей становятся идентичными и тем самым серийно образуют фантомные сообщества.

Однако в наше время такие сообщества больше не ограничиваются территориями, входящими в уже существующие национальные государства. Как было показано мной в другой работе, революции в коммуникациях и транспорте после Второй мировой войны в сочетании с постиндустриальным мировым капитализмом вызвали беспрецедентные по своим масштабам миграции населения из различных государств.²⁸

Те же силы привели к созданию «диаспорных» коллективных субъективностей, которые воображаются в духе переписей в виде ограниченных серий. Немногие тексты способны дать лучшее представление об этой трансформации, чем известный «Атлас диаспор», выпущенный издательством *Penguin*.²⁹ Более семидесяти страниц в нем посвящены еврейской диаспоре, возникшей в восьмом веке до нашей эры; дальше идет повествование об армянах, цыганах, неграх, китайцах, индусах, ирландцах, греках, ливанцах, палестинцах и, наконец, вьетнамцах и корейцах. В каждом случае авторы настойчиво приводят численные данные — например, об общем количестве армян в мире и общем количестве армян во Франции, Грузии, Австралии или Аргентине. Примечательно, что эти общие цифры запросто округляются: 42 000 «индусов» в Кении в 1920 году, 40 000 «евреев» в Португалии в 1250 году. Нужно ли говорить о том, что такие подсчеты проводились имперскими государственными машинами в своих целях и следовали своей особой логике, что совершенно неясно, сколько из 42 000 «индусов» на самом деле считало себя таковыми, и что присутствует определенная двусмысленность и произвольность, связанная с определением того, кто был евреем в Португалии в XIII веке? Дело в том, что подобный эрзац-исторический атлас, вовсе не описывая историче-

²⁷ Негритюд — идеологическое течение, зародившееся в среде франкоязычных африканских интеллектуалов и оказавшее значительное влияние на негритянское движение во всем мире. Основной целью негритюда было утверждение самобытности черной культуры Африки в противоположность белой культуре Запада. Полностью фраза, произнесенная Воле Шойником в 1962 году на конференции африканских писателей в Кампале, столица Уганды, звучит так: «Тигр не кричит о тигритюде: он бросается на свою добычу и съедает ее» («*Le tigre ne proclame pas sa tigritude: il saute sur sa proie et la dévore*»). — Прим. *непеч.*

²⁸ См.: Benedict Anderson. *Exodus. Critical Inquiry*, 20 (Winter 1994). P. 314–327.

²⁹ Gérard Chaliand and Jean-Pierre Rageau, *The Penguin Atlas of Diasporas* (Harmondsworth: Viking, 1995). Французский оригинал — *Atlas des Diasporas* — был опубликован в 1991 году в издательстве *Éditions Odile Jacob*.

ские субъективности, на самом деле отражает некий современный взгляд космополита, основанный на квазипланетарном рассеянии ограниченных идентичностей. Где бы ни оказались «китайцы» — на Ямайке, в Австро-Венгрии или Южной Африке, — они всегда остаются исчислимыми китайцами, и неважно, что они являются гражданами этих национальных государств. Поэтому неудивительно, что подобные книги сегодня встречают теплый прием в кругах тех, кого привлекает идея нахождения себя «в изгнании», наделенными правом принадлежности к древним ограниченным сообществам, которые, несмотря ни на что, охватили в эпоху глобализации всю планету.

Всякое проявление такого показательного космополитизма кажется мне крайне сомнительным, поскольку оно исходит из простого растяжения переписной концепции этнической идентичности и не имеет никаких универсальных оснований. И сложно представить большую противоположность этому, чем юную яванку, которая воображает себя «новым человеком», а не членом яванской диаспоры, и которая становится, как Хаджи Мисбах, преданным местным членом неограниченных серий меняющегося мира.

Перевод с английского Артема Смирнова